

Отзыв о диссертации Софьи Анатольевны Мясниковой
**«Белорусские святочные и волочебные песни, зафиксированные в Омском
Прииртышье: Вопросы соотношения с исходной традицией»,**
представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 10.01.09 — фольклористика

Представленная к защите диссертационная работа посвящена весьма актуальной в настоящее время проблеме изучения фольклорных традиций переселенческого типа. Речь идет об особенностях бытования белорусского фольклора в Сибири. Объектом такого исследования является святочный фольклор и близкий к нему жанр волочебных песен, зафиксированный в белорусских анклавах Омского Прииртышья. А в качестве предмета изучения выступают вопросы адаптации традиционного календарного фольклора белорусов, переселившихся в Сибирь, в условиях иноэтнического окружения. Для реализации этой задачи соискателю приходится постоянно обращаться к сравнительному исконно белорусскому материалу.

Выбор такого объекта для изучения календарного фольклора белорусов Сибири, а именно — святочные колядные и весенние волочебные песни, а также тексты, сопровождающие рождественскую игру «Женитьба Терешки», — объясняется тем обстоятельством, что, во-первых, перечисленные жанровые разновидности сравнительно хорошо сохраняются в памяти информантов и до недавнего времени еще активно бытовали в реальной жизни белорусов-сибиряков. Во-вторых, в количественном и качественном отношении эти архивные материалы, собранные за последние десятилетия в Омском Прииртышье, можно признать вполне репрезентативными, и вместе с тем все еще недостаточно изученными. И наконец, в-третьих, такие специфические жанры, как волочебные поздравительные песни и рождественские песни-«терешки» могут служить надежным этническим маркером белорусской культуры, так как для других восточнославянских фольклорных традиций эти жанры не характерны.

Обоснование избранной темы мотивируется в диссертации и чисто научными, и прагматико-прикладными задачами. Во-первых, в настоящее время готовится издание второй части большого тома «Фольклор белорусов Сибири и Дальнего Востока», включенного в академическую серию «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Между тем в архивах сибирских фольклорно-этнографических научно-образовательных центров хранится большое количество никем не учтенного, не

систематизированного, очень ценного полевого материала, который давно пора ввести в научный оборот. Во-вторых, в качестве научной цели выдвигается задача осуществить сравнительно-сопоставительный анализ святочного фольклора белорусов-переселенцев, зафиксированного в местах их проживания в Сибири, и такого же календарного песенного репертуара белорусов-автохтонов метропольной традиции, для того чтобы продемонстрировать процессы консервации и трансформации народной культуры переселенческого типа. А в качестве наиболее удобного инструментария для такого сопоставительного изучения служит разработанная автором диссертации собственная система классификации и систематизации избранных для анализа белорусских календарно-обрядовых песенных циклов.

Основным методом исследования, таким образом, является в диссертации сравнительно-типологический анализ фольклорных текстов, собранных в разных региональных традициях (Белоруссия — Сибирь). Кроме того, автор использует комплексный метод исследования, предполагающий учет этнографического контекста обрядовых песен и их музыкальной специфики. Выбор такого междисциплинарного комплексного подхода требует от исследователя многосторонних компетенций в разных научных дисциплинах (не только филологического и историко-этнографического, но и этномузыкологического профиля). По отношению к святочной игре «Женитьба Терешки» применяется также метод картографирования, который позволяет в наглядной форме представить географию распространения песен-«терешек» на территории Омского Прииртышья.

Для адекватной оценки рецензируемого труда важно отметить некоторые особенности его структуры. Дело в том, что из трех глав, включенных в диссертацию, первая касается вопросов вводного характера, т.е. это обзор литературы по избранной теме, описание источниковедческой базы, а также освещение вопросов, связанных с историей белорусских миграционных потоков в Сибирь. А результаты самого научного исследования по теме диссертации изложены: во второй главе, посвященной зимним колядкам и весенним волочечным песням (30 страниц), и в третьей главе, посвященной святочной игре «Женитьба Терешки» (60 страниц). Таким образом, компактно представленная исследовательская часть диссертации изложена примерно на ста страницах авторского текста, тогда как семь приложений, примыкающих к рецензируемой работе, занимают объем, втрое превосходящий листаж двух глав. В результате к защите представлен внушительный объемный труд (более четырехсот страниц), содержащий — кроме основного текста диссертации — еще и ценные сопутствующие приложения, а именно: каталог колядных и волочечных песен Омского

Прииртышья; сводный указатель содержательных элементов обряда-игры «Женитьба Терешки»; корпус колядных и волочebных песен белорусов-переселенцев; сибирские варианты песен святочной игры «Женитьба Терешки»; сравнительную таблицу этнографических сведений об обычаях и обрядах святочного комплекса, записанных в Белоруссии и в Омском Прииртышье; указатель исполнителей из числа белорусов-переселенцев. Часть этих приложений носит прикладной и иллюстративный характер, но составленный автором каталог колядок и волочebных песен и особенно сводный указатель содержательных элементов песен-«терешек», включающий огромный белорусский материал и сопоставимый с ним сибирский репертуар этих же жанров, несомненно являются плодом трудоемкого авторского научного исследования, помогающего раскрыть сложные эволюционные процессы, происходящие в фольклорной традиции белорусов-переселенцев.

Поскольку основным инструментом для сравнительно-сопоставительного изучения сибирско-переселенческого и исконно белорусского календарного фольклора служит в диссертации систематизация песен, сгруппированных по разным классификационным принципам, обсуждению этих теоретических вопросов посвящена бoльшая часть второй и третьей глав. Автор принимает в общих чертах сложившуюся в отечественной фольклористике практику классифицировать святочные песни на основе, во-первых, календарного и обрядового времени их исполнения, а во-вторых, на основе их жанрово-стилистических особенностей. Согласно этому критерию белорусский святочный фольклор, как считает соискатель, членится на следующие группы: рождественские колядки; новогодние тексты-благпожелания, исполняемые во время обряда «посевания зерном»; затем религиозные песни («рацейки»), сопровождающие обходы христославов; затем приговоры и песни ряженных, ходивших по домам с «козой»; и, наконец, сезонные лирические, приуроченные к Филипповскому посту и к святкам. А для репертуара колядок и волочebных песен отмечается еще тенденция их различения по принципу адресной направленности: особые тексты предназначались «для хозяина и хозяйки» («господарский» тип), и особые для их дочерей/сыновей («молодежный» тип). Подобная классификация часто используется и в научных исследованиях, и при публикации текстов в фольклорных сборниках. Однако для целей сравнительного изучения песен разных региональных традиций, по мнению автора, подобная систематизация оказывается недостаточной, поэтому соискатель пытается предложить свой собственный способ классификации этих песен еще и по содержательному критерию.

Выстраивание такой классификации, учитывающей содержательный уровень обрядовых песен, потребовало от автора разработки особого понятийного аппарата. Фольклористам хорошо известно, какие трудности ожидают их при попытках сгруппировать песенные жанры по тематико-смысловому принципу, так как они характеризуются весьма размытыми признаками сюжетной организации. Поэтому принципиально важен выбор тех или иных содержательных единиц, взятых за основу классификации. Для достижения этой цели автор диссертации считает малопродуктивным использование привычного для фольклористов понятия «мотив», который трактуется им (вслед за А.Н. Веселовским) как минимальная, повторяющаяся в разных текстах, устойчивая предикативная единица, имеющая форму предложения (т.е. это некое краткое сообщение, а не просто поэтический образ). Поэтому термин мотив, как считает автор, более применим по отношению к нарративным фольклорным жанрам, а для систематизации песенных текстов целесообразно использовать такие понятия, как: условный песенный «сюжет» или «сюжетная ситуация», затем — «содержательный элемент» или «поэтическая формула», а также понятие «тема» — как наиболее крупная единица общего смысла.

Четкого разграничения понятий «содержательный элемент» и «поэтическая формула» в рецензируемой работе мне найти не удалось. На странице 18 диссертации говорится о том, что это два очень близких по значению понятия, которые различаются лишь по наличию или отсутствию в них художественной образности, однако как и кем этот критерий «художественной образности» определяется, тоже нигде не оговаривается. Так, например, в Каталоге колядных и волочebных песен (Приложение 1) колядный зачин «Пошла коляда с улицы в конец...» классифицируется как «поэтическая формула» (с. 191), а фрагмент одной из песен в Сводном указателе текстов, относящихся к игре «Женитьба Терешки» («Пайду я каля саду, зламаю я вінаграду...») определяется как «содержательный элемент» (с. 278). Какая из этих двух цитат отличается большей степенью «художественной образности», трудно сказать.

Вообще наибольшее число вопросов и критических замечаний вызывают и сами принципы систематизации песен по их содержанию, и предложенные автором терминологические обозначения классификационных единиц. Например, каталог колядных и волочebных песен включает пять типологически разных классификационных групп. Первая (обозначенная буквой А) включает такие текстовые элементы, которые характеризуются следующими признаками: это «короткие подвижные содержательные единицы (формулы), которые могут по-разному контаминироваться или входить в состав более сложных по

структуре текстов, в том числе и сюжетных» (с. 55). А песни второй группы (Б) построены на сюжетах или сюжетных ситуациях, которые моделируют некую символическую ситуацию величального или заклинательного характера. Здесь как будто улавливается некая логика разведения песен по разным группам: с одной стороны, поэтические формулы, с другой — сюжетные песни. Однако следующую группу (В) в этой классификации образуют, по словам автора, лирические сюжеты и сюжетные ситуации, в которых отражаются «лирические переживания человека», т.е. это тоже сюжетные песни, но чем-то отличающиеся от текстов группы Б. Затем следует четвертая группа текстов (Г.), характеризующаяся тем, что в нее входят величально-заклинательные ситуации (имеются в виду благопожелательные конструкции типа: «у хозяина в поле обильный урожай», «у хозяина во дворе богатый приплод скота» и т.п.). Таким образом, и для песен группы Б., и для песен группы Г. классификационно-значимой оказывается величально-заклинательная специфика, — а это затрудняет однозначное разведение текстов по разным группам. При знакомстве с конкретными примерами, приведенными в каталоге, у читателя создается впечатление, что сюжетные тексты величального или заклинательного характера (группа Б) трудно отличить от текстов, моделирующих величально-заклинательные ситуации (группа Г). В то же время в группу В. (относящуюся к лирическим сюжетам) включена колыдка о том, как девушка прядет кужель и ткет ковры для кого-то в подарок (Приложение 1., с. 205, № В.3.). Во-первых, в ней трудно усмотреть «лирические переживания» героини, а во вторых, сама по себе сюжетная ситуация «девушка-пряха готовит тканые подарки» вполне вписывается в содержательную канву традиционных свадебных или колыдных величаний для девушки-невесты, поэтому этот текст вполне мог бы быть отнесен к группе Г., которая так и называется: «Величально-заклинательные ситуации».

А далее в диссертации заявлено, что внутри каждого из этих (обозначенных буквами) разделов осуществляется еще и членение песен по их уже конкретному содержанию. И здесь тоже, как мне кажется, можно обнаружить примеры нарушения логики или строгой последовательности. В общем списке тематических блоков, закрепленных за группой А., значатся следующие формулировки: «А.I. Формула прихода праздника», «А.VI. Формула описания богатого хозяйственного двора», «А.X. Формула требования подарка», «А.XI. Формулы угроз в адрес хозяев при плохом одаривании колыдников» и т.п. Они, действительно, отражают содержательную основу типичных колыдных и волочечных песен. Но среди этих формулировок встречаются названия, акцентирующие внимание не на содержании текстов, а на их жанрово-стилистических признаках (величание, заклинание).

Например, «А.VII. Формула величания хозяев», «А.IX. Заклинательные формулы благопожеланий». Но ведь вышеназванная формула «описания богатого хозяйственного двора» — это тоже величание хозяев, а кроме того, для всех типов величально-заклинательных ситуаций выделена специальная группа, обозначенная буквой Г. На стр. 45 диссертации сам автор определяет святочные обрядовые песни как величальные, лирические и заклинательные «по своей жанровой природе». Так почему же в классификационной схеме эти признаки выступают в роли содержательных, а не жанрово-стилистических единиц?

Результатом подобного нечеткого разграничения содержательных элементов по тематическим группам являются такие случаи, когда один и тот же текст попадает в разные разделы. Ср. формулу: «Поехала коляда наперед Рождества, / Приехала коляда ко Иванке на двор...», которая дважды фигурирует в каталоге колядных и волочebных песен в разных классификационных группах, а именно: в разделе «А.I. Формулы прихода праздника» (с. 189, шифр архивного хранения: ФА ОмГПУ, ЭК-1/71 № 28) и в разделе «А.IV. Действия коляды, колядовщиков, волочebников, других людей в период коляды» (с. 192, тот же самый архивный номер). Кстати сказать, под последнюю формулировку («действия других людей...») могут подойти практически все тексты, где «действуют» так или иначе «в период коляды» любые песенные персонажи.

Вместе с тем, нельзя не признать целесообразности предпринятых автором попыток систематизировать варианты фольклорных песен по их содержанию, особенно для целей сопоставительных исследований фольклора переселенческого типа, так как этот метод помогает раскрыть разные уровни сходства и различий между исконно белорусскими обрядовыми песнями и перенесенными на территорию Сибири их сохранившимися вариантами. В диссертации вполне убедительно показано, что, попав в иноэтническую, — хоть и родственную по языку, — среду, белорусский колядный репертуар, с одной стороны, поразительно устойчиво сохраняет почти все основные типы сюжетных песен из «господарского» (и частично из «молодежного») циклов, а также многие формульные текстовые клише, характерные для обходных обрядов. Например, фиксируются вступительные реплики к колядкам, типа: «Ты спишь, ты лежишь?», «Дома ли хозяин?», «Позвольте ли колядовать?»; во множестве вариантов бытуют формулы с просьбой одарить колядников или формулы угроз в адрес хозяев, если подарок за обряд не получен. Но вместе с тем отмечаются и закономерные процессы частичной утраты целого ряда песенных форм, их деформация и текстовая редукция. Часто встречаются, например, фонетически

устойчивые фрагменты текста, утратившие свой первоначальный смысл. Ср. искаженные формы: «Першу, першу! (либо «Вершую, вершую!») Я маленький хлопчик залез на столбчик...», произносимые исполнителями вместо типичного для белорусских песен колядного зачина типа: «Віншую, віншую», т.е. поздравляю. По сравнению с циклом волочебных песен — типично белорусским видом творчества, который функционирует как более-менее замкнутая песенная система — колядный репертуар белорусов-переселенцев оказывается более проницаемым для заимствований из русской колядной традиции, поэтому он иногда включает припев «Овсей, овсей!», характерный для святочных песен-«овсеней».

Большой интерес для специалистов представляет этнографическая и этнолингвистическая характеристика святочной обрядности белорусов Омского Прииртышья, рассмотренная в третьем параграфе второй главы диссертации. Хотя архивных записей по этой тематике значительно меньше, чем фольклорных текстов, все же наиболее устойчивые элементы белорусской этнокультурной традиции, продолжают сохраняться в памяти белорусов-сибиряков. Это, как показано в рецензируемой работе, касается терминологии праздничных святочных дней, обрядовых блюд, названий ряженных; ритуалов, связанных с кутьей, многочисленные формы святочных гаданий и т.п. Устойчиво держится в памяти переселенцев белорусский вариант общеславянского, чрезвычайно архаического ритуала «приглашения мороза на кутью», который записан в Омском Прииртышье в нескольких вариантах, вместе с характерным приговором.

Третья глава диссертации посвящена приуроченной к Рождеству белорусской игре «Женитьба Терешки» и относящимся к ней песням, которые зафиксированы на территории Омского Прииртышья. Эти тексты начали записываться в отмеченном регионе сравнительно поздно (первая запись была сделана в 1973 году). К настоящему времени опубликовано из них всего 30 вариантов. Автор диссертации сумел разыскать в разных сибирских архивах еще примерно 70 текстов-«терешек» и несколько десятков комментариев исполнителей о самой игре. В результате трудоемких поисков и расшифровок магнитофонных записей, а также личной инициативы дополнительных полевых обследований соискателю удалось восстановить относительно полную картину бытования в недавнем прошлом на территории Омского Прииртышья этого белорусского по своим генетическим истокам святочного ритуала. Поскольку состав песен-«терешек» имеет трудноуловимые жанровые признаки (обрядово-игровой песенности, танцевальных припевок, любовной лирики, юмористических частушек), он легко втягивает в свою орбиту множество случайных текстов из разных песенных жанров. Поэтому для целей его сравнительно-сопоставительного анализа с

исконной традицией автору диссертации пришлось привлечь почти весь белорусский репертуар этой святочной игры (а это более тысячи текстов и комментариев к ним!), чтобы легче было идентифицировать истинные «терешечные» сибирские варианты. А инструментальной базой такого сопоставления двух разнотерриториальных песенных комплексов вновь послужила классификация и систематизация текстов, сопровождавших эту обряд-игру.

Принимая во внимание использованный белорусскими фольклористами способ упорядочения песен-«терешек» по их месту в структуре игры (песни, исполняемые: 1. при подборе пар; 2. когда каждый из этой пары гоняется друг за другом; 3. во время застольного угощения всех играющих), — автор диссертации в дополнение к нему вновь пытается осуществить систематизацию текстов по их содержанию. Для этого вводятся понятия «тема», а за единицу систематизации берется, некая категория, не очень удачно, по моему мнению, названная «произведение». Этому понятию в диссертации дается следующее определение: это «абстрактная совокупность содержательных варьирующихся элементов, кочующих из одного текста в другой в разных комбинациях» (с. 112). Автор диссертации утверждает, что в предложенной им системе используются единицы классификации одного уровня, и это уровень содержательный, а не структурно-функциональный, как у белорусских коллег (с. 107). Между тем, первый же пункт Сводного указателя содержательных элементов песен обряда «Женитьба Терешки» включает следующую формулировку темы: I.1. «Содержательные элементы с упоминанием Терешки» (Приложение 2.) А ведь понятие «темы» определяется в диссертации как: «ведущая смыслообразующая единица, подчиняющая себе все поэтические элементы» (с. 108).

Очевидно, что само по себе имя «Терешка» не содержит никаких смыслообразующих форм песенного текста и не отражает его содержания, а выступает лишь в качестве знака принадлежности текста к игре «Женитьба Терешки», и в этом отношении выполняет важнейшую формальную функцию при определении жанра этого текста. А содержанием следующих за этим именем песенных строк могут быть самые разные смыслообразующие контексты. Например, в этой же первой тематической группе фигурирует пункт под названием I.8. «Терешка волочится, / Ему жениться хочется...». Здесь четко обозначена тема «свадьбы-женитьбы», одна из самых характерных для рассматриваемой святочной игры. Сама по себе эта тема (свадьбы-женитьбы) занимает в Сводном указателе вторую позицию и включает 12 разновидностей содержательных компонентов. А третьим пунктом обозначена тема «Хозяйственные хлопоты», и в ее составе фигурирует среди прочего следующая

песенная ситуация: III.3. «Стаптаў татулька боты, ходзячы каля работы». Однако уже во второй строке этой песни разъясняется, что это за работа: «татулька» пытается свести в одну пару девку и парня: «Дзетачкі, жаніцеся, за ручкі бярыцеся». Значит, опять же текст основан на теме свадьбы-женитьбы, а не на теме работы и хозяйственных хлопот. Пункт пятый в списке ведущих тем Сводного указателя называется «Гендерные отношения», — что тоже не раскрывает конкретного содержания каждой песенной ситуации; в конце концов, и свадьба-женитьба — это тоже гендерные отношения. Тема под номером IX. обозначена: «Зооморфные образы», между тем зооморфный код песенной образности может служить для выражения той же самой идеи свадьбы-женитьбы: ср. пример: IX.2. «На печы каток: кур-няў! Дзядулька бабульку абняў».

И все же, несмотря на некоторые логические неувязки (которые впоследствии могут быть устранены), составленный автором сравнительный Сводный указатель содержательных элементов песен обряда «Женитьба Терешки», безусловно, можно отнести к числу полезных, перспективных попыток сопоставить многочисленные тексты автохтонной белорусской фольклорной традиции с уцелевшими вариантами, записанными от переселенцев в Сибири. Такое сопоставительное изучение помогает проследить эволюционные сдвиги в исторической жизни песенных текстов; демонстрирует, какие фрагменты и поэтические образы оказываются наиболее устойчивыми, а какие претерпели существенные изменения; как происходит процесс постепенной русификации белорусского фольклорного языка. Особую ценность может представлять такой указатель для специалистов, изучающих механизм фольклорных песенных контаминаций, которые здесь можно проследить во всех подробностях.

В третьем параграфе третьей главы рассматривается этнографический контекст обряда «Женитьба Терешки», записанного в Омском Прииртышье. По наблюдениям соискателя, сохранились данные, свидетельствующие о бытовании в прошлом двух вариантов игрового сценария: 1. выстраивание участников в две шеренги, когда парни встают напротив девушек; и 2. участники образуют круг, внутри которого двое ведущих — «матка» и «батька»; их роль — свести всех играющих в «брачные пары». Общее количество этнографических свидетельств об этом обряде остается в сибирских архивах сравнительно небольшим, но почти во всех записях отмечается устойчивая привязка игры к первому дню святок, что подтверждает ее исконный календарно-обрядовый характер. В этой же главе проводится автором музыковедческий анализ этих песен, который я не берусь оценивать, не обладая для этого должной профессиональной компетенцией. Наконец, завершается третья глава

специально составленной в рамках диссертационного исследования картой распространения этой святочной игры на территории Омского Прииртышья.

Таким образом, наиболее дискуссионными, с нашей точки зрения, являются в работе вопросы, связанные с проблемой классификации песен, предложенной соискателем, но они не входят в число основных положений, выдвинутых на защиту диссертации, а сами классификационные схемы представляют собой пробный рабочий вариант, подлежащий дальнейшему усовершенствованию. Что же касается научных выводов, вынесенных на защиту (с. 18-19), можно с уверенностью сказать, что они в достаточной степени аргументированы и подтверждены успешно осуществленным сравнительно-типологическим анализом календарных песен белорусов-переселенцев и белорусов метропольной традиции. Работа имеет все признаки самостоятельного новаторского исследования, снабженного во всех случаях соответствующими ссылками на чужие научные труды.

По моему мнению, диссертация соответствует пп. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор заслуживает присуждения искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.09 — фольклористика.

18 ноября 2019 г.

Ведущий научный сотрудник Института
славяноведения РАН, доктор филологических наук
Виноградова Людмила Николаевна

Подпись Л. Н. Виноградовой удостоверено

<p>ВЕРНО: Заведующая кадрами <i>Львович Луренна</i> "18" ноября 2019 г.</p>
--